
ИСТОРИЯ

УДК 94(470.64)084.9

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ НАРОДОВ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ ПОСТСОВЕТСКИХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

© 2013 г. З.Х. Шомахов¹

В статье рассмотрены проблемы этнокультурного возрождения в Кабардино-Балкарии в 1990–2000-е гг. в контексте процессов трансформации исторической памяти как важнейшего структурного компонента этнической идентичности, проанализирована роль науки, системы образования и средств массовой коммуникации в формировании базисных представлений народов республики о своем прошлом.

Ключевые слова: историческая память, глобализационные процессы, СМИ, трансформация, сознание, этнокультурная апатия.

Историческая память как воспроизводимый процесс отражения прошлого в общественном сознании, ее трансформация под воздействием внешних и внутренних факторов уже давно стали объектом пристального внимания научного сообщества. В отечественной историографии активно исследуются социальные особенности проявления и эволюции исторической памяти на разных этапах развития Российского государства [1]. Разработка концептуальных возможностей исследования различных практик и дискурсов коммеморации широко представлена в зарубежной историографии [2]. Усиление внимания к исторической памяти во многом определяется тем, что именно на базовых представлениях о самобытных традициях и осознании влияния тех или иных исторических событий на ментальность этнических групп и складывается фундамент культурной идентичности.

Историческая память – это многоуровневая система в формировании и сохранении культурных ценностей, которая включает множество взаимодействующих элементов:

- наследование целых пластов материальной и духовной культуры в виде памятников архитектуры, произведений искусства, устного фольклора и письменных источников о прошлом своего народа, субрегиона;

- сохранение преемственности в передаче культурного и коллективного опыта от поколения к поколению, где важнейшую роль играют семейные

традиции и образовательные институты разных ступеней;

- научная деятельность профессионального исторического сообщества, ее приоритетная роль в формировании концептуальных представлений о месте и роли исторической памяти в повседневной жизни общества и его ценностных ориентиров;

- глобализационные процессы и возросшая роль средств массовой коммуникации в формировании непрерывной динамики исторических представлений.

Все перечисленные структурные компоненты подвержены значительным, а зачастую диаметрально противоположным первичным установкам изменениям под воздействием особенностей условий их функционирования. Политическая конъюнктура, идеологические притязания властных структур, социально-экономические условия жизни представителей интеллигенции как “ретрансляторов” исторических знаний – всё это в совокупности определяет степень воздействия накопленного культурного коллективного опыта на сознание отдельного индивидуума.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в необходимости теоретического осмысления проблемы “исторического беспамятства”, анализа социального воздействия процессов девальвации прошлого на современное интеллектуальное пространство КБР. Это выдвигает перед обществом в качестве одного из приоритетов духовного развития задачу поиска путей преодоления забвения и этнокультурной апатии, проявляющихся в выкорчевывании из культурного обихода целых пластов литературы, искусства, науки, образования, не вписыва-

¹ Институт гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН, 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18; тел. 8 (866) 242-38-60, e-mail: shoma31@rambler.ru

вающихся в социально-экономическую парадигму сегодняшнего дня.

Необходимо подчеркнуть, что проблема сохранения исторической памяти у народов КБР становилась предметом научных исследований и темой круглых столов, диспутов и конференций. Эта проблема затрагивалась в работах С.И. Аккиевой [3], В.Х. Кажарова [4], А.Х. Борова [5], Дж.Я. Рахаева [6], А.Х. Абазова [7], Д.Н. Прасолова [8], Э.А. Шедужен [9] и др. Особо следует выделить исследование В.Х. Кажарова по историческому сознанию кабардинцев второй половины XX – начала XXI в., в котором автор, анализируя историографию адыгов советского и новейшего периодов, подчеркивает проблему смещения научного компонента исторического сознания на периферию общественной памяти и маргинализации сообщества профессиональных историков [4, с. 68].

Кардинальные реформы в политической и социальной сферах, ломка традиционных механизмов передачи культурных ценностей выводят на новый уровень значение комплексного взаимодействия всех сфер общественной и политической жизни для обеспечения сохранения и преемственности различных компонентов социальной памяти. Это связующее звено между прошлым и будущим, являясь коллективным опытом общества, наделено совокупностью социокультурных средств, таких как язык, знания, традиции, ритуалы, социально-исторические образы, символы и фольклор. Она осуществляет отбор и преобразование актуальной общественной информации в информацию о прошлом с целью сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению и формирует таким образом историческую память как сфокусированное диалектическое единство прошлого, настоящего и будущего в общественном сознании социума.

Эпоха либеральных преобразований конца 1980-х – начала 2000-х гг. и связанные с ней события политической и социально-экономической жизни СССР – России стали катализатором трансформации исторической памяти народов Кабардино-Балкарии в позднесоветский и постсоветский период. Противоречивость путей развития современного Российского государства во многом определила особенности, структуру, логику и динамику региональных практик коммеморации. Вкупе это позволяет в рамках очередной российской эпохи реформ выделить принципиально различные по характеру этапы развития исторической памяти народов КБР.

С середины 1980-х гг. в жизни нашей страны произошли резкие экономические и политические изменения, под влиянием которых неизбежно менялись и ценностные установки ее народов. Де-

мократизация политической жизни общества, зарождение идеологического плюрализма во второй половине 1980-х гг. в СССР в целом и в КБАСР в частности ознаменовались ростом национального самосознания. Значительно возрос интерес к традиционным соционормативным институтам, вытесненным из общественного сознания в советский период. На уровне обыденного восприятия эти процессы отразились в возрождении традиционной обрядности важнейших событий жизненного цикла – рождения ребенка, свадьбы, похорон. На научно-теоретическом уровне – в активизации национальной гуманитарной интеллигенции, усилиями которой был обеспечен настоящий бум исторических и генеалогических исследований. Значимость выхода научных и публицистических трудов по истории народов КБР, заполнявших белые пятна в исторической памяти, выражалась уже в их немалых тиражах по масштабам республики.

Переходный процесс в Кабардино-Балкарии характеризовался большей выраженностью этнополитических факторов. При чем “этническая мобилизация в Кабардино-Балкарии получила решающий импульс не в результате внутренних межэтнических противоречий, а в связи с общим процессом кризиса и разрушения политической системы советского социализма” [10, с. 15]. В постсоветский период в условиях приобретения политическими процессами характера этнополитических национальное самосознание стало приобретать первостепенное значение. В Кабардино-Балкарии в формировании национальных движений приняли участие представители всех этнических общностей, компактно проживающих на территории республики.

Становление кабардинского национального движения началось с создания в 1985 г. по инициативе творческой интеллигенции объединения “Ашамаз”, выдвинувшего лозунг изучения истории кабардинского народа, возрождения культуры и родного языка, укрепления нравственных ценностей. Аналогичные лозунги выдвинули балкарские объединения “Ныгыш” и “Бирлик” [11, с. 14]. В 1990 г. объединение “Ашамаз” стало общественной организацией, переименованной в “Адыгэ хасэ”. Тогда же два балкарских культурно-национальных объединения создали общественную организацию “Тере”.

Национальные движения выступали в качестве непосредственных и единственных представителей интересов коренных народов. Активизация кабардинской и балкарских национальных организаций способствовала разветвлению движения русскоязычного населения Кабардино-Балкарии, представленного такими общественно-политическими силами, как “Русскоязычный конгресс”, “Россияне”, “Славяне”. В мае 1991 г. был зарегистрирован

Терско-Малкинский отдел терского казачества. Главным побудительным мотивом возникновения казачьего объединения стало желание возродить казачество как образ жизни. Основными его целями объявлялись: объединение казаков, проживающих на территории Кабардино-Балкарии и за ее пределами, а также лиц, связанных с казачеством общими интересами и совместной деятельностью; возрождение государственной службы, общественного хозяйствования; сохранение и восстановление памятников, связанных с историей казачества. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в республике появились национально-культурные центры (“Товуши”, “Нихас”, “Чинсен”, “Эллада” и др.) малочисленных народов, возникшие для удовлетворения их национально-культурных запросов [12, с. 275].

Эти социокультурные институты в благоприятных условиях возросшего интереса народов КБР к своей истории в начале 1990-х гг. аккумулировали энергию творческой части общества на выпуск многочисленных исторических, генеалогических работ и этнографических обзоров, проведение мероприятий, посвященных возрождению народных традиций, танцевального и фольклорного искусства. На данном этапе региональное сообщество профессиональных историков активно участвовало во многих просветительско-возрожденческих проектах. Тем самым историкам удалось значительно поднять собственный социальный статус.

Однако на смену периоду “исторической лихорадки” пришло время прогрессирующей историко-культурной апатии. Условным водоразделом двух периодов может служить середина 1990-х гг. – время тяжелых экономических неурядиц, тотальной хозяйственной разрухи. В этих условиях востребованность исторических знаний в общественном сознании населения КБР стала снижаться. Негативное влияние социально-экономической конъюнктуры особенно сильно отразилось на возможности передачи и сохранения исторической памяти в рамках таких институтов, как семья и система образования.

Выполняя ряд функций в обществе (первичной социализации и социально-бытовую, рекреационную, психотерапевтическую и др.), семья и ее социальное самочувствие выступают важнейшими гарантами выхода из духовного кризиса, повышения целостности нравственного воспитания. В 1990-е гг. в контексте нарастания социально-экономического кризиса в республике произошло резкое падение уровня жизни людей. Значительная часть из них не могла удовлетворить даже минимальные потребности в питании, одежде, жилье. Многие семьи оказались неподготовленными к новым социально-экономическим условиям, не выработали

механизмов своей защиты, жизненных стратегий, необходимых для выживания.

В условиях, когда у значительной части населения республики не имелось средств, чтобы удовлетворять свои духовные потребности, шло сужение круга культурной информации, вследствие чего творческий потенциал слоев, создающих и распространяющих культуру, активно снижался. В этот период исторические труды, как отмечает В.Х. Кажаров, “представляя большой научный интерес среди узкого круга специалистов, не вызывали соответствующего резонанса в обществе, не оказывали заметного влияния на историческое сознание народа” [4, с. 46].

Наряду с падением популярности исторических трудов начался настоящий “обвал” всей культуры, упадок традиционных ценностей. Значительная часть институтов соционормативной культуры кабардинцев и балкарцев в условиях урбанизации, трансформации правового пространства, интенсивных глобализационных и миграционных процессов утратила свою жизнеспособность. Однако с потерей многими элементами традиционной культуры своей повседневной востребованности коллективная историческая память неизбежно переводит их в разряд архаизмов, сохраняющихся исключительно в академических исторических трудах и сознании узкой прослойки национальной гуманитарной интеллигенции. С вытеснением из повседневного обихода языковых, фольклорных знаков, идентифицировавших те или иные исторические вехи в жизни народа, происходит их деактуализация, они приобретают статус социальных рудиментов. Обыденно-жизненное мировоззрение с присущим ему культом повседневности нивелировало рост интереса народов республики к своей истории, перевело его в разряд ситуативного, актуализирующегося лишь применительно к знаменательным датам и конкретным социальным потребностям.

В этот период общественная жизнь республики изобиловала примерами безразличного отношения к материальным и устным памятникам своей культуры: постепенным разрушением старинных зданий, распространением иностранных топонимов в названиях досуговых и торговых учреждений, потерей значительной частью населения способности общения на родных языках, деградацией массового песенного жанра, потребительским отношением к природе. Образовавшийся духовный вакуум второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. заполнялся продукцией массовой культуры, воздействие которой на сознание и историческую память в условиях глобализационных процессов существенно возросло. Всемирная сеть Интернет, СМИ стремительно трансформируют культурную память народов КБР.

Масс-медиа не только участвуют в формировании устойчивых представлений, но и обладают способностью оказывать воздействие на степень и характер их проявления. Реализуя коммуникационные и манипуляционные стратегии, СМИ способны формировать шкалу ложных духовных ценностей, навязывать представления о социально-политических, экономических, духовных процессах, манипулировать общественным мнением [13, с. 77]. Эти процессы требуют крайне пристального внимания ввиду возрастающего доминирования телевизионных и электронных ресурсов в структуре потребляемых обществом коммуникативных и информационных источников.

Отдельным вопросом в рамках исследования современных практик исторической памяти народов КБР является проблема политизации религии, остро проявившаяся в начале XXI в. В этой связи необходимо отметить, что одним из важнейших структурных элементов идеологической системы СССР на протяжении всего периода его существования являлся атеизм. Однако в 1940–1980-е гг. в Кабардинской АССР и КБАССР атеистическая работа так и не смогла принципиально изменить ситуацию с религиозностью населения. Позиции религии ослабли, но религиозность сама по себе как духовная категория утрачена не была. Тем не менее целенаправленная политика по подрыву религиозных основ во многом способствовала появлению комплекса проблем в духовной сфере Кабардино-Балкарии на постсоветском этапе. Нарушение преемственности в традиции передачи религиозных знаний привело к падению уровня квалификации священнослужителей, утрате основной частью населения базовых представлений о религиозных ценностях. Религиозная безграмотность в совокупности с отменой жесткого государственного контроля в духовной сфере в 1980–1990-е гг., с одной стороны, и резким усилением интереса населения Кабардино-Балкарии к религии – с другой, в значительной мере способствовали заполнению образовавшегося духовного вакуума нетрадиционными религиозными течениями сектантского и экстремистского толка. Это создало отложенные во времени риски, в полной мере проявившие себя уже в начале нынешнего столетия.

Историческое беспамятство и этнокультурная апатия, характерные для второго из выделенных этапов в развитии практик коммеморации народов КБР, делают актуальным поиск путей и механизмов преодоления кратко проанализированных выше кризисных явлений в социокультурной жизни республики. В современных условиях, когда идет переоценка ценностей, в ходе которой прежние моральные устои оказались частично раз-

рушены, а новые еще не созданы, формирование нравственного стержня на основе исторической памяти требует приложения энергии всех социальных институтов.

Пожалуй, одна из приоритетных ролей в решении обозначенной проблемы принадлежит системе образования, особенно национально-региональному компоненту в средней и высшей школе. Естественно, что в условиях многонациональной республики, смешанного состава учащихся интенсифицируются межэтнические контакты, как деловые, так и личностные. Они актуализируют этническую идентичность, поскольку только в процессе сравнения школьник или студент наиболее очерченно воспринимает свою этническую принадлежность как нечто особенное. В совокупности с квалифицированным педагогическим воздействием это может способствовать усвоению и переосмыслению духовно-нравственных оснований национальной культуры и истории.

За два последних десятилетия в интеллектуальном пространстве КБР значительно трансформировались содержание и форма восприятия исторической памяти населением. В сложной иерархии информационных ресурсов неуклонно снижается роль таких классических академических источников, как наука и образование. Несмотря на проведение фундаментальных исторических исследований и увеличение национально-регионального компонента в учебных заведениях, определенный всплеск этнической мобилизации в начале 1990-х гг., идет активный процесс забвения и фрагментации важных этнокультурных компонентов исторической идентичности на различных уровнях исторической памяти.

Безусловно, фундаментальные исторические труды профессиональных ученых по истории кабардинцев и балкарцев должны оставаться определяющим фактором в преодолении этнокультурной амнезии. Однако сохранение исторической памяти необходимо сопровождать действиями, направленными к настоящему, то есть позволяющими выработать эффективные защитные механизмы по сохранению и воспроизведению пластов своей исторической памяти.

Таким образом, в условиях эпохи перемен развитие исторической памяти народов КБР последовательно прошло два этапа. Для первого из них, условно датируемого концом 1980-х – началом 1990-х гг., был характерен резкий подъем национального самосознания, которое стремилось утолить информационный голод, сформировавшийся за долгие годы советской власти. В ходе второго этапа в результате падения уровня жизни населения нарастала этнокультурная апатия. Социально-экономическая

травма 1990-х гг. сформировала у населения КБР (как и РФ в целом) комплекс недопотребления, который продолжает в значительной степени определять круг интересов и устремлений граждан. Преодоление подобной ситуации возможно, но требует комплексных усилий со стороны государства и общества.

Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 8869.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Копосов Н.* Память строгого режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 320 с.
2. Империя и нация в зеркале исторической памяти: сб. статей. М.: Новое издательство, 2011. 416 с.
3. *Аккиева С.И.* Разрешение конфликта: роль обычно-правовых норм (на примере народов Кавказа) // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Нальчик, 20–23 сентября 2001 г. Тезисы докладов. М: Изд-во ИЭА РАН, 2001. С. 115.
4. *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик, 2012. 84 с.
5. *Боров А.Х., Пшемурзов В.Х.* Историческая память и этническая культура // Этническая культура и проблема самосохранения в современном контексте (культурологические очерки). М.; Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 202–210.
6. *Рахаев Дж. Я.* Темрюк Идаров в культурной памяти кабардинцев (XVI–XX вв.) // Историческая память. Люди и эпохи: тезисы науч. конф., Москва, 25–27 ноября 2010 г. / отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 228–230.
7. *Абазов А.Х.* Историческая память кабардинцев в контексте историографии обычного права // Лавровский сборник: материалы XXXIV и XXXV среднеазиатско-кавказских чтений 2010–2011 гг. Этнография, археология, культурология. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 216–221.
8. *Прасолов Д.Н.* Земельный вопрос в исторической памяти кабардинцев и балкарцев в XIX и XX в. // Историческая память. Люди и эпохи... С. 221–223.
9. *Шеуджен Э.А.* Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. М.; Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 280 с.
10. *Боров А.Х.* КБР: итоги и перспективы этнополитического развития // Конфликт – Диалог – Сотрудничество. Нальчик: Эльбрус, 2000. С. 12–37.
11. *Кучуков М.М.* Межнациональные отношения и национальное самосознание. Нальчик: Эльбрус, 1992. 232 с.
12. *Шорова М.Б.* Конституирование национальных движений // Актуальные проблемы гуманитарных наук: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Ч. 2. М., 2008. С. 273–278.
13. *Зети П.П.* Проблемы информационного воздействия на молодежь на Юге России // Вестник Южного научного центра. 2012. Т. 8. № 1. С. 76–79.

THE HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLES OF THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC DURING POST-SOVIET LIBERAL REFORMS

Z.Kh. Shomakhov

The paper examines the problems of ethno-cultural revival in Kabardino-Balkaria in the 1990s – 2000s in the context of the transformation processes of historical memory as the most important structural component of ethnic identity, and analyzes the role of science, education system, and mass media in the formation of basic notions and ideas of the peoples of the Republic about their past.

Key words: historical memory, globalization processes, mass media, transformation, consciousness, ethno-cultural apathy.

REFERENCES

1. Koposov N. 2011. *Pamyat' strogogo rezhima. Istoriya i politika v Rossii*. [The Memory of the strict regime. The History and the Politics in Russia]. Moscow, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publishers: 320 p. (In Russian).
2. *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati: sb. statey*. [The Empire and the nation in the mirror of historical memory: collection of articles]. 2001. M., "Novoe izdatel'stvo": 416 p. (In Russian).
3. Akkueva S.I. 2001. [The resolution of the conflict: the role of customary legal norms (by the example of Caucasus people)]. *IV Kongress etnografov i antropologov Rossii. Nal'chik, 20–23 sentyabrya 2001 g. Tezisy dokladov*. [Congress of ethnographers and anthropologists of Russia. Nalchik, 20–23 September 2001, Abstracts]. Moscow, N.N. Maclay Institute of Ethnology and anthropology of RAS: 115. (In Russian).
4. Kazharov V.Kh. 2012. *Istoriografiya i istoricheskoe soznanie kabardintsev vo vtoroy polovine XX – nachale XXI v.* [The Historiographia and historical consciousness of the Kabardians in the second half of the 20th – early 21st century]. Nalchik: 84 p. (In Russian).
5. Borov A.Kh., Pshemurзов V.Kh. 1997. [The Historical memory and ethnic culture. Istoricheskaya pamyat' I etnicheskaya kul'tura]. *Etnicheskaya kul'tura i problema samosokhraneniya v sovremennom kontekste (kul'turologicheskie ocherki)*. [Ethnic culture and the problem of self-preservation in the modern context (cultural essays)]. Moscow; Nalchik, Elbrus Publ.: 202–210. (In Russian).
6. Rakhaev Dzh.Ya. 2010. [Temryuk Idarov in the cultural memory of Kabardians]. *Istoricheskaya pamyat'. Lyudi I epokhi: tezisy nauchnoy konferentsii*. [Historical memory. People and era: abstracts of scientific conference]. Moscow, Institute for General history of Russian Academy of Sciences: 228–230. (In Russian).
7. Abazov A.Kh. 2011. [The Historical memory of Kabardians in the context of the historiography of the Common law]. *Lavrovskiy sbornik: materialy XXXIV i XXXV sredneaziatsko -kavkazskikh chteniy 2010–2011 gg. Etnografiya, arkhologiiya, kul'turologiya*. [Lavrovsky's collection. Materials XXXIV and XXXV of the Central Asia-Caucasus readings 2010–2011. Anthropology, archaeology, cultural studies]. St. Petersburg, The Museum of anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences: 216–221. (In Russian).
8. Prasolov D.N. 2010. [The land issue in the historical memory of the Kabardians and the Balkars in the 19th – 20th centuries]. *Istoricheskaya pamyat'. Lyudi i epokhi: tezisy nauchnoy konferentsii*. [Historical memory. People and era: abstracts of scientific conference]. Moscow, Institute for General history of Russian Academy of Sciences: 221–223. (In Russian).
9. Sheudzhen E.A. 2010. *Adygi (cherkesy) v prostranstve istoricheskoy pamyati*. [Circassians in the space of the historical memory]. Moscow; Maykop, Adyghe state University Publishers: 280 p. (In Russian).
10. Borov A.Kh. 2000. [KBR: the results and prospects of ethno-political development]. In: *Konflikt – Dialog – Sotrudnichestvo*. [Conflict – Dialogue – Cooperation]. Nalchik, Elbrus Publishers: 12–37. (In Russian).
11. Kuchukov M.M. 1992. *Mezhnatsional'nye otnosheniya i natsional'noe samosoznanie*. [Inter-ethnic relations and national identity]. Nalchik, Elbrus Publishers: 232 p. (In Russian).
12. Shorova M.B. 2008. [Constitutionality national movements]. In: *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. [Actual problems of the Humanities. Materials of the international scientific-practical conference]. (2): 273–278. (In Russian).
13. Zety P.P. 2012. [Problems of informational influence on the youth in the South of Russia]. *Vestnik Yuzhnogo Nauchnogo Tsentra*. 8(1): 76–79. (In Russian).